

Содержание

От издателя	9
Благодарности	11
ВВЕДЕНИЕ. ПАРАДОКС ДЕМОКРАТИИ	13
ГЛАВА 1. ЗА РАМКАМИ ЧУДА АГРЕГИРОВАНИЯ	19
ЧУДО АГРЕГИРОВАНИЯ	21
СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ОШИБКА СУЩЕСТВУЕТ	25
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ	28
ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЗГЛЯДОВ	31
РАЦИОНАЛЬНАЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ	35
ЛАНДШАФТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	41
ГЛАВА 2. СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	43
ДАННЫЕ О ПРЕДУБЕЖДЕНИЯХ ИЗ ПСИХОЛОГИИ И ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	44
КАК ВЕРНУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ НА ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ	51
АНТИРЫНОЧНЫЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ	53
ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ ПРОТИВ ИНОСТРАННОГО	61
ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ В ПОЛЬЗУ НАЛИЧИЯ РАБОТЫ	66
ПЕССИМИСТИЧНОЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ	71
ВЫВОДЫ	77
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ДАННЫХ ОПРОСОВ АМЕРИКАНЦЕВ И ЭКОНОМИСТОВ ОБ ЭКОНОМИКЕ	79
АНАЛИЗ ОАЭЭ: РЯДОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ, ЭКОНОМИСТЫ И «ПРОСВЕЩЕННАЯ ПУБЛИКА»	81
АНАЛИЗ ОАЭЭ, ЧАСТЬ I	88
АНАЛИЗ ОАЭЭ, ЧАСТЬ II	97

АНАЛИЗ ОАЭЭ, часть III	102
АНАЛИЗ ОАЭЭ, часть IV	106
Три повода для сомнений	115
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ	118
ВЫВОДЫ	121
ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	
Просвещенная публика	123
ГЛАВА 4. КЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА И ПРОВАЛ ТЕОРИИ НЕВЕЖЕСТВЕННОСТИ.	
РАЦИОНАЛЬНОЕ НЕВЕЖЕСТВО: ДАННЫЕ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	134
СОПРОТИВЛЕНИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ	137
ЧТО НЕ ТАК С РАЦИОНАЛЬНЫМ НЕВЕЖЕСТВОМ, часть I	141
ЧТО НЕ ТАК С РАЦИОНАЛЬНЫМ НЕВЕЖЕСТВОМ, часть II	144
<i>Чудо агрегирования и нерелевантность тенденциозной информации</i>	145
<i>Оптимальное наказание и корреляция между информацией и интересами</i>	146
<i>Большое правительство: незамеченная жертва асимметрии информации</i>	148
<i>Неартикулируемое знание и когнитивные маркеры</i>	150
Вилка УИТТМАНА.	153
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ «КРАЙНЮЮ ГЛУПОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЕЙ»	157
ВЫВОДЫ	159
ГЛАВА 5. РАЦИОНАЛЬНАЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ.	
ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЗГЛЯДОВ	162
МАТЕРИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОШИБОК	167
РАЦИОНАЛЬНАЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ	171
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАВДОПОДОБНОСТЬ	175
РАЦИОНАЛЬНАЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА	182
РАЦИОНАЛЬНАЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ	187
РАЦИОНАЛЬНАЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЭКСПРЕССИВНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ	190
ВЫВОДЫ	194

ГЛАВА 6. ОТ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ К ПОЛИТИКЕ.	197
Мысленный эксперимент номер 1: Иррациональность при идентичных избирателях	199
Мысленный эксперимент номер 2: Иррациональность с различием во взглядах	203
Необходимое отступление о гипотезе о своекорыстном избирателе.	205
Мысленный эксперимент номер 3: Иррациональность с неэгоистичными избирателями	210
Демократия, в которой решается много вопросов, и степень многомерности общественного мнения.	212
Еще одно необходимое отступление: что заставляет людей думать, как экономисты	213
Выборочное участие в голосовании	216
Мысленный эксперимент номер 4: Смешанные предпочтения по поводу проводимой политики и результатов	219
Предубеждения за пределами экономики: систематически предвзятые представления о токсикологии	222
Выводы	224
Техническое приложение Что побуждает людей думать, как экономисты	226
ГЛАВА 7. ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ	229
Рациональность политиков	229
Политическая экономика веры	233
Иррациональность и делегирование полномочий	237
Иррациональность и пропаганда	243
<i>Иррациональность и СМИ</i>	243
<i>Иррациональность, политическая реклама и группы интересов</i>	247
Выводы	248

ГЛАВА 8. «РЫНОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ» И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ	251
Обвинение в рыночном фундаментализме	252
Демократический фундаментализм	256
Реальный фундаментализм в студию! Пример Рынка политического анализа	262
Частный выбор как альтернатива демократии и диктатуре	264
Иррациональность избирателей, рынки и демократия . .	268
Исправление демократии?	271
Экономическая наука: зачем она вообще нужна? . . .	274
Выводы	280
 Заключение. ПОХВАЛА ИЗУЧЕНИЮ ГЛУПОСТИ	281
КАК ИЗМЕНИТЬ КУРС.	283
 Примечания.	289
Библиография	318
Указатель	349

От издателя

В последнее время в рамках дискуссии о дальнейшей судьбе нашей страны авторы всех основных политических направлений все больше внимания уделяют развитию демократии. Последняя все больше начинает рассматриваться как панацея, которая решит все проблемы российского общества. Достаточно обеспечить честные выборы и сменяемость руководителей — и экономическая политика станет более адекватной, благосостояние народа повысится, а коррупция будет сведена к минимуму. В качестве аргумента обычно приводится пример развитых стран Запада, где демократическая система сосуществует с высокопроизводительной экономикой и высоким уровнем жизни.

Такие представления являются, мягко говоря, сильно упрощенными. В нашей серии «Политическая наука» уже публиковались книги, в той или иной степени затрагивающие политико-экономические проблемы, порождаемые демократической формой правления¹. Автор книги, которую вы держите в руках, излагает, по сути дела, ряд серьезных критических аргументов в отношении демократической системы, основанной на свободных выборах. Такая критика тем более интересна и поучительна для русскоязычного читателя, что ее автор — житель самой богатой и процветающей демократической страны, причем анализ дефектов демократии не имеет ничего общего с прославлением диктатуры или автократии.

Брайан Каплан — профессор экономики в Университете Джорджа Мейсона. Это университет по праву считается родиной «школы общественного выбора», в рамках которой экономическая методология применяется для изучения политических процессов. Профессор Каплан выступает достойным продолжателем этой традиции и в то же время выходит далеко за ее пределы.

На основе обширного практического и эмпирического материала, а также простой и прозрачной логики автор показывает, почему демократическое правление очень часто (можно сказать, в большинстве случаев) приводит к принятию политических решений, которые являются просто-напросто вредными и деструктивными с точки зрения благосостояния самих избирателей. Школа

¹ Ясаи Э. де. Государство. М.: ИРИСЭН, 2008; Хиллс Р. Кризис и Левиафан. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010.

общественного выбора и ряд других направлений политической экономики уже давно исследуют феномен так называемого «рационального невежества» избирателей. С одной стороны, простая экономическая логика побуждает типичного избирателя не только не интересоваться содержанием политических программ. С другой стороны, это само по себе не может служить объяснением того, что принимаемые демократическим образом решения оказываются деструктивными: ошибки, связанные с незнанием, могут нивелироваться за счет того, что неосведомленных избирателей много (закон больших чисел). Б. Каплан показывает, что избиратели не только не склонны разбираться в политических программах, поскольку соответствующие усилия для них рационально неоправданны, но и в массе своей действуют на основе иррациональных побуждений, нанося тем самым вред самому себе и своим согражданам. Избирательная система канализирует в себя целый ряд массовых предубеждений и предрассудков, что в конечном счете выливается в торможении роста благосостояния. Б. Каплан исследует эти предрассудки и выделяет четыре их основных типа.

Означает ли такая критика поддержку диктатуры? Вовсе нет. Большой ошибкой было бы сделать из данного в книге анализа вывод, что, например, демократизация нашей страны сама по себе вредна. На самом деле, такая постановка вопроса является ложной дилеммой — типичной логической ошибкой. Электоральная демократия — это лишь один из возможных способов координации деятельности людей. Причем эта координация, осуществляемая посредством государственного аппарата, основана на принуждении. Поэтому, как афористично указывает Б. Каплан, «в условиях демократии основной альтернативой правлению большинства является не диктатура, а рынок», т.е. система координации деятельности людей, основанная на добровольном сотрудничестве. Отсюда вытекает совершенно конкретный практический вывод: хотя демократизация нашей страны и нужна, но она может принести хорошие плоды только в том случае, если будет сопровождаться радикальным сужением сферы государственного принуждения и расширением сферы добровольного взаимодействия людей. Без этого «развитие демократии» обернется лишь разгулом иррациональных страстей и предрассудков.

Председатель Редакционного совета
Валентин ЗАВАДНИКОВ
Ноябрь 2011 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мне повезло иметь множество любящих поспорить, но стимулирующих к работе коллег, но особенно я благодарен двоим из них.

Первый — Дон Будро, который побудил меня всерьез заняться исследованиями в области рациональности избирателей сразу после состоявшегося в 1998 г. Семинара по популяризации теории общественного выбора. В рамках дисциплины, где редко можно услышать похвалу, Дон быстро сказал мне, что ему нравится мой подход, и продолжает повторять эти слова. Я часто задаюсь вопросом, написал бы я эту книгу или какую-либо из работ, на которых она основана, без поддержки Дона.

Второй человек — Тайлер Коэн, мой вечный критик. С тех пор как я начал работать в Университете Джорджа Мэйсона, он всегда находил время, чтобы читать мои работы и всегда говорил мне, если я что-то делал не так. Никто не прочитал столько черновых вариантов этой книги, сколько Тайлер, и никто не задавал более сложных вопросов. Я не могу вспомнить, когда мы последний раз соглашались друг с другом, но мне все равно кажется, что он научил меня половине того, что я знаю.

Я также буду вечно благодарен традиции совместных обедов. Потребовались годы дискуссий с такими сотрапезниками, как Тайлер, Робин Хэнсон и Алекс Табаррок, чтобы мои сырые идеи превратились в готовый продукт. И они были не одни. Десятки других сотрапезников услышали мои взгляды и дали мне отзывы, в частности Скотт Болье, Дэвид Бернстайн, Тим Безли, Пит Бёттке, Дон Будро, Д. К. Брэдбери, Джофф Бреннан, Корина Каплан, Роджер Коглтон, Марк Крэйи, Эрик Крэмптон, Гордон Даль, Вероник де Рюжи, Билл Диккенс, Зак Гокенор, Рудольфо Гонсалес, Дональд Грин, Фридрих Хайнеманн, Боб Хиггс, Рэнди Холкомб, Дэн Хаузер, Джефф Хюмель, Ларри Йаннаккон, Скотт Китер, Дэн Кляйн, Арнольд Клинг, Кен Кофорд, Джордж Краузе, Тимур Куран, Дэвид Ливи, Лорен Ломаски, Джон Лотт, Даниэль Леркер, Джон Матцусака, Митч Митчелл, Кевин Маккейб, Натаниэль Паксон, Бен Пауэлл, Илья Райнер, Карлос Рамирез, Джо Рид,

Фаб Рохас, Расс Робертс, Чарльз Роули, Пол Рубин, Джо Салерно, Джим Шнайдер, Эндрю Селлгрэн, Томас Стратманн, Эд Стрингхэм, Том Тербуш, Гордон Таллок, Дик Вагнер, Уолтер Уильямс и Дональд Уитман.

Каким бы удовольствием ни были эти ланчи, я хотел бы особо поблагодарить тех, кто читал черновые версии книги и давал мне подробные комментарии: Скотта Болье, Пита Бёттке, Эрика Крэмптона, Тайлера Коэна, Эндрю Гельмана, Дэвида Гордона, Робина Хэнсона, Майкла Хьюмера, Дэна Кляйна, Арнольда Клинга, Джоффа Ли, Дэвида Левенстаума, Стива Миллера, Натаниэля Пакссона, Расса Робертса, Фаба Рохаса, Расса Собела, Илью Сомина, Эда Стрингхэма, Коулмена Штрумпфа, Тима Салливана, Дэна Саттера, Алекса Табаррока, Гордона Таллока, Дональда Уитмена и рецензентов из издательства «Princeton University Press». Я также хотел бы выразить благодарность Kaiser Family Foundation за то, что они поделились со мной данными Опроса американцев и экономистов об экономике, Скотта Болье, Стива Миллера, Кэйла Паджитта и Джоффа Ли за огромную помощь в исследовании, аспирантов, которым я преподавал микроэкономику и государственные финансы, и читателей моего блога за годы замечательных комментариев, а также Центр Меркатус за щедрую финансовую поддержку. И наконец, мне очень повезло, что у моей жены есть научная степень по экономике и у нее хватило терпения постоянно обсуждать со мной мои теории.

Заранее приношу свои извинения тем, кого не упомянул. Позвольте мне компенсировать вам это за очередным обедом!

Введение

ПАРАДОКС ДЕМОКРАТИИ

Один сторонник однажды прокричал: «Губернатор Стивенсон, все думающие люди за вас!» А Адлай Стивенсон ответил: «Этого недостаточно. Мне необходимо большинство».

Scott Simon,

Music Cues: Adlai Stevenson¹

В условиях диктатуры политика правительства часто бывает отвратительной, но редко удивительной. Возведение Берлинской стены вызвало возмущение во всем мире, но немногие задались вопросом: «О чем думают лидеры Восточной Германии?» Это было очевидно: они хотели продолжать править своими подданными, которые массово и без раздумий бежали [в Западный Берлин]. Берлинская стена создавала определенные неудобства для правящей клики. Она вредила туризму, осложняя получение твердой валюты для импортирования западных предметов роскоши. Однако, если принять во внимание все факторы, стена была в интересах партийной элиты.

Неудивительно, что демократия считается популярной политической панацеей. История диктатур создает впечатление, что плохие меры экономической политики принимаются из-за различия интересов правящих и управляемых². Простым решением является *отождествление* правителей и управляемых под предлогом предоставления «власти народу». Какая разница, что люди решат делегировать принятие решений профессиональным политикам? Тот, кто платит (или голосует за то, чтобы заплатить), — заказывает музыку.

Однако это оптимистичное описание зачастую противоречит фактам. Демократии часто проводят экономическую политику, которая причиняет вред большинству людей. Классическим примером может служить протекционизм. Экономисты различных политических убеждений на протяжении столетий указывали на его пагубность, но почти все демократии ограничивают импорт. Даже когда страны ведут переговоры

о заключении соглашений о свободе торговли, они исходят не из того, что «торговля взаимовыгодна», а что «мы сделаем вам одолжение и будем покупать ваши товары, если вы ответите нам взаимностью». Конечно, эта мера не столь отвратительна, как Берлинская стена, но она вызывает большее *удивление*. В теории демократия призвана быть инструментом защиты от социально вредных политических мер, но на практике они для нее весьма характерны³.

Можно ли разрешить этот парадокс демократии? Один из возможных ответов состоит в том, что «представители» народа перестают быть подотчетными перед ним. Выборы могут быть не столь сильной защитой от ненадлежащего поведения, чем кажется на первый взгляд, что делает пожелания групп интересов более важными для политиков, чем волю общества. Другой ответ, который дополняет первый, состоит в том, что избиратели глубоко невежественны в вопросах политики. Они не знают даже, кто их представители, не говоря о том, чем они занимаются. Это создает для политиков соблазн преследовать личные интересы и продавать свои услуги тем, кто готов финансировать их избирательные кампании⁴.

Диаметрально противоположным решением парадокса демократии было бы отрицание того, что она регулярно приводит к проведению глупой политики. Можно настаивать на том, что общество право, а «эксперты» ошибаются, и в открытую отстаивать преимущества протекционизма, регулирования цен и т.д. Этот путь очевиден, но сопряжен с риском: это как если бы адвокат заставил своего клиента подвергнуться перекрестному допросу. Менее прямой, но более безопасный путь — который аналогичен защите клиента от необходимости подвергаться перекрестному допросу — найти слабые места в декларируемых *механизмах* провалов демократии. Вам не нужно доказывать, что ваш клиент невиновен, если обвинение не может четко объяснить, как было совершено преступление. Точно так же вам нет смысла доказывать, что та или иная мера экономической политики хороша, если отсутствует объяснение того, чем она плоха.

Самые умные энтузиасты демократии обычно выбирают второй, более безопасный путь⁵. Их стратегия была особенно успешной в последние годы, несмотря на интуитивную привлекательность примеров политиков, которым не страшны выборы, и невежественных избирателей. По причинам, которые мы вскоре рассмотрим, при серьезном анализе эти примеры

вызывают сомнения и даже не выдерживают критики. Без убедительного объяснения того, *почему* результаты демократии не соответствуют заявленным, любые *констатации* такого положения дел бессмысленны.

В этой книге дается альтернативное объяснение провалов демократии. Основная идея состоит в том, что избиратели не просто невежественны, они, можно сказать, *иррациональны* — и голосуют соответствующим образом. Экономисты и когнитивные психологи обычно исходят из того, что все обрабатывают информацию наилучшим возможным образом⁶. Но здравый смысл говорит нам, что на суждения людей оказывают сильное влияние эмоции и идеология. Протекционистское мышление сложно искоренить, поскольку оно доставляет людям удовольствие. Когда люди голосуют исходя из ложных представлений, которые позволяют им хорошо себя чувствовать, демократия будет регулярно приводить к одобрению неправильной политики. Как гласит популярная в программистской среде поговорка, «мусор на входе — мусор на выходе».

Всеохватывающая иррациональность служит аргументом не только против демократии, но и против любых человеческих институтов. Ключевое допущение этой книги состоит в том, что иррациональность, как и невежество, *избирательна*. Мы постоянно *игнорируем* нежелательную информацию по не заботящим нас вопросам. В том же смысле я утверждаю, что мы *отключаем* свои рациональные способности при рассмотрении вопросов, по которым нас не интересует истина⁷. Экономисты давно утверждают, что невежество избирателей представляет собой предсказуемую реакцию (response) на то, что единичный голос не имеет значения. Зачем исследовать вопрос, если вы не можете повлиять на его решение? Я обобщаю это наблюдение следующим образом: зачем контролировать свои рефлекторные эмоциональные и идеологические реакции (reaction), если вы все равно не можете изменить результат?

В этой книге рассматриваются три взаимосвязанные темы. Во-первых, сомнения в рациональности избирателей имеют под собой эмпирические основания. Во-вторых, иррациональность избирателей в точности вытекает из экономической теории, если исходить из интроспективно правдоподобных допущений о человеческой мотивации. В-третьих, признание иррациональности избирателей имеет ключевое значение для реалистичного понимания демократии.

С точки зрения наивной теории публичного интереса демократия работает, поскольку она предоставляет избирателям то, чего они хотят. С точки зрения большинства скептиков, она терпит неудачу, потому что *не* выполняет желаний избирателей. С моей точки зрения, демократия терпит неудачу, *потому что* делает то, чего хотят избиратели. Говоря на экономическом жаргоне, в демократии встроен *внешний эффект*. Иррациональный избиратель причиняет вред не только себе. Он также причиняет вред всем, кому в результате его иррациональности приходится жить в условиях отвратительной экономической политики. Поскольку для избирателя большая часть издержек его иррациональности является *внешней* (т.е. оплачивается *другими* людьми), то почему бы ему не поддаться соблазну? Если достаточное количество избирателей будут думать таким образом, социально пагубная политика побеждает на народном голосовании.

Перечисляя провалы демократии, нужно смотреть на них в сравнении. В условиях демократии сотни миллионов человек наслаждаются условиями жизни, которые по историческим стандартам удивительно высоки. Недостатки самых худших демократий бледнеют перед тоталитарными режимами. Демократические режимы хотя бы не уничтожают миллионы собственных граждан⁸. Тем не менее, поскольку сегодня демократия является наиболее типичной формой правления, нет особых причин рассуждать о трюизмах, что она «лучше коммунизма» или что «в ней живется лучше, чем в Средние века». Такие сравнения устанавливают планку на слишком низком уровне. Лучше попытаться разобраться, как и почему демократия нас разочаровывает⁹.

В глазах многих людей один из самых знаменитых афоризмов Уинстона Черчилля обрывает спор на полуслове: «Демократия — это худшая форма правления, за исключением всех тех, что уже были опробованы»¹⁰. Но это высказывание игнорирует тот факт, что формы правления варьируются не только по форме, но и по *масштабу*. В условиях демократии основной альтернативой правлению большинства является не диктатура, а рынок.

Энтузиасты демократии регулярно это признают¹¹. Когда они жалуются на «ослабление демократии», их основным аргументом является то, что правительство плохо надзирает за рынком, и даже что рынки узурпируют традиционные функ-

ции правительства. Они часто завершают свою тираду «призывом к пробуждению» к избирателям, чтобы те очнулись от апатии и сделали так, чтобы их услышали. Редко высказывается еретическая мысль, что ослабление демократии в пользу рынка не так уж и плохо. Вне зависимости от того, насколько хорошо с вашей точки зрения работают рынки в абсолютном смысле, если демократия выглядит хуже, по сравнению с ней рынки начинают выглядеть лучше.

Экономистов незаслуженно обвиняют в «религиозной вере» в рынок. Никто не сделал больше экономистов в препарировании бесчисленных случаев, в которых могут иметь место провалы рынка. Однако после всех исследований экономисты обычно приходят к выводу, что обыватели и интеллектуалы, не имеющие экономической подготовки, недооценивают то, как хорошо работают рынки¹². Я утверждаю, что для демократии верно противоположное: ее преимущества переоцениваются не только обществом, но и большинством экономистов. Поэтому в то время как общество недооценивает то, насколько хорошо работают рынки, даже экономисты недооценивают преимущества рынка относительно их демократической альтернативы.

Глава 1

ЗА РАМКАМИ ЧУДА АГРЕГИРОВАНИЯ

*Я отношусь с подозрением ко всему, во что верит
среднестатистический гражданин.*

*H. L. Mencken,
A Second Mencken Chrestomathy¹*

Того, чего не знают избиратели, хватило бы на целую университетскую библиотеку. За последние несколько десятилетий экономисты, изучающие политику, вдохнули новую жизнь в вековые сомнения относительно способности народа управлять государством, указав на то, что с эгоистической точки зрения избиратели не совершают ошибки. Конкретный голос имеет столь незначительную вероятность повлиять на исход выборов, что эгоистичный реалист не обращает внимания на политику; на экономическом жаргоне можно сказать, что он делает выбор оставаться *рационально невежественным*².

Для тех, кто молится в храме демократии, этот аргумент экономистов не только болезненен, но и оскорбителен. Достаточно того, что избиратели действительно очень мало знают. Это можно было бы стерпеть, если бы невежество электората было временным явлением. Поверхностные наблюдатели видят причину апатии граждан в бесцветности кандидатов. Более проницательные мыслители, которые замечают, что год за годом апатия сохраняется, винят в невежественности избирателей отсутствие демократии как таковой. Один из вариантов этой точки зрения излагает Роберт Каттнер: «Суть политической демократии — право голоса утратило всякую значимость, поскольку голосование и прямое общение политиков с избирателями все больше вытесняются плутократией, финансирующей предвыборные кампании... Есть прямая связь между доминированием в политике денег от групп интересов, платной ротацией рекламных роликов, дискредитирующих политических оппонентов, стратегиями опросов и фокус-групп

и тем, что избиратели манкируют своими гражданскими обязанностями... Люди приходят к выводу, что им нет места в политике»³.

Однако если принять идею рационального невежества, лозунг «Решением проблем демократии является расширение демократии» теряет смысл. Невежество избирателей является следствием естественного для людей эгоизма, а не временной культурной аномалией. Сложно сказать, как могут различные инициативы, или реформа финансирования избирательной кампании, или другие популярные способы «починки демократии» усилить для людей стимулы быть более информированными.

С распространением идеи о рациональном невежестве оно стало водоразделом для социальных наук. Экономисты наряду с экономически мыслящими политологами и профессорами права обычно находятся по одну сторону водораздела⁴. Они видят в невежестве избирателей серьезную проблему, что вызывает у них скептицизм по поводу возможностей государственного вмешательства улучшить результаты, которые дает рынок. В теории благотворное государственное вмешательство возможно, но как можно ожидать от безнадежно неинформированных избирателей, что они выберут нужных политиков? Из этого следует вывод: «Избиратели не знают, что делают, поэтому решение этого вопроса следует доверить рынку». Мыслители, находящиеся по другую сторону водораздела, принижают значимость сомнений в государственном вмешательстве. Если не учитывать проблему невежественности избирателей, можно делать прямой переход от «политики, которая благотворна в теории» к «политике, которую демократии проводят на практике».

Со временем осознание рационального невежества породило широкую исследовательскую программу, известную как *общественный выбор*, или *политическая экономика*, или *теория рационального выбора*⁵. В 60-х годах XX в. критика недостатков демократии граничила с ересью, но этот подход оказался достаточно живучим и сумел отвоевать себе место под солнцем. В 70-х годах XX в. усилилась критика бездумного государственного вмешательства, расчистив путь для дерегулирования и приватизации⁶.

Но когда эти идеи стали менять мир, против них была выдвинута критика, затрагивающая их интеллектуальные основы.

Более ранняя критика часто исходила от тех, кто плохо понимал или мало симпатизировал экономическому образу мышления. Новые сомнения имели четкую экономическую логику.

Чудо агрегирования

Представьте, что произойдет, если вы попросите сто человек пробежать стометровку, а затем вычислите среднее время прохождения дистанции. Оно не будет лучше, чем время, которое покажут самые быстрые бегуны. Оно будет хуже... Но попросите сто человек ответить на вопрос или решить задачу, и усредненный ответ часто будет как минимум не хуже, чем у самого умного участника. В большинстве случаев среднее — это заурядность. Но при принятии решений среднее — это зачастую совершенство. Можно сказать, что мы как будто запрограммированы быть коллективно умными.

*James Surowiecki,
The Wisdom of Crowds⁷*

Если человек не знает, как попасть в пункт назначения, он вряд ли будет надеяться туда попасть. Ему может повезти, но здравый смысл подсказывает, что знание того, что ты делаешь, тесно связано с успехом соответствующих действий. Таким образом, можно сказать, что всеобщая невежественность избирателей подразумевает, что демократия будет работать плохо. Люди, которые принимают окончательные решения — избиратели, — делают нейрохирургическую операцию, будучи неспособными изучить элементарную анатомию.

Было сделано много хитроумных попыток поставить под вопрос эту аналогию, но самой значимой из них стало утверждение, что демократия может хорошо работать при почти любой степени невежественности избирателей. Каким образом? Предположим, что избиратели не делают *систематических* ошибок. Хотя они постоянно ошибаются, их ошибки случайны. Если избирателям нужно выбрать между X и Y, ничего о них не зная, они с одинаковой вероятностью могут выбрать любой из двух вариантов⁸.

Что это означает? Если невежественны 100% избирателей, всё будет предсказуемо плохо. Одним из кандидатов на выборах

может быть Унабомбер, стремящийся уничтожить цивилизацию. Если избиратели будут голосовать случайным образом, Унабомбер будет побеждать в половине случаев. В действительности допущение о поголовном невежестве избирателей излишне пессимистично; информированных избирателей мало, но они существуют. Но на первый взгляд это кажется незначительной уступкой. Невежество 100% голосующих ведет к катастрофе. Может ли невежество 99% вести к намного лучшим результатам?

Как ни парадоксально, но это так. Негативные эффекты невежества избирателей нелинейны. Демократия с невежеством 99% избирателей гораздо больше похожа на демократию с полной информированностью, чем на демократию с полным невежеством⁹. Почему? Во-первых, представьте себе совокупность избирателей, 100% которых хорошо информированы. Кто выиграет выборы? Ответ тривиален: *тот, кого поддержит большинство хорошо информированных избирателей*. А теперь вернемся к ситуации, когда только 1% избирателей хорошо информированы. Остальные 99% избирателей настолько глупы, что голосуют случайным образом. Если вы спросите о чем-нибудь человека, который собирается голосовать, то вы скорее всего сделаете тревожный вывод, что он не понимает, что делает. Тем не менее элементарная статистика показывает, что при многочисленном электорате каждый кандидат получает около половины случайных голосов. Оба кандидата могут рассчитывать примерно на 49,5%. Однако этого недостаточно для победы. Для победы они должны сфокусировать свои усилия на одном человеке из 100, который хорошо информирован. Кто же выиграет? *Тот, кто получит наибольшее количество голосов хорошо информированных избирателей*. Таким образом, как отмечают Пэйдж и Шапиро, изучение среднестатистического избирателя ведет к ложным выводам: «Даже если индивидуальные ответы на опросы общественного мнения являются частично случайными, полными ошибок в измерениях и нестабильными, при их агрегировании в коллективный ответ — например, в процент людей, которые поддерживают конкретную меру экономической политики, — коллективный ответ может быть вполне осмысленным и стабильным»¹⁰.

Предположим, политик берет крупную взятку от «табачного лобби» и отказывается удовлетворить всеобщее требо-

вание по усилению государственного регулирования отрасли. Решения в пользу производителей табака не влияют на популярность политика среди невежественных избирателей: они вряд ли знают его имя, не говоря уже о том, как он голосовал. Но его поддержка среди информированных избирателей резко падает. С увеличением количества вопросов, по которым принимаются решения, картина усложняется, но секрет успеха остается тем же: уговорить большинство хорошо информированных избирателей проголосовать за вас.

Этот результат был очень точно назван «чудом агрегирования»¹¹. Он звучит как рецепт алхимика: «Смешайте 99 частей глупости с 1 частью мудрости и получите смесь того же качества, что и незамутненная мудрость». Практически полностью невежественный электорат принимает такое же решение, как и полностью информированный электорат, — свинец действительно превращается в золото!

Есть соблазн назвать это «политикой вуду» или сказать, как это сделал Г. Л. Менкен, что «демократия зиждется на смехотворной вере в коллективную мудрость индивидуального невежества»¹². Но в этой вере нет ничего магического или смехотворного. Джеймс Шуровьски описывает множество случаев, когда чудо агрегирования — или что-то похожее на него — прекрасно работало¹³. При проведении конкурса на самый точный прогноз веса быка, среднее значение 787 прогнозов отличалось от действительного веса всего на один фунт. На съемках передачи «Кто хочет стать миллионером» самый популярный среди студийной аудитории ответ оказывался верным в 91% случаев. Финансовые рынки, которые агрегируют прогнозы огромного количества людей, часто предсказывают события лучше ведущих экспертов. Ставки на тотализаторе служат отличным средством прогнозирования исходов различных событий от спортивных соревнований до выборов¹⁴. Как объясняют Пэйдж и Шапиро, в каждом из этих случаев работает одна и та же логика: «Это один из примеров действия закона больших чисел. При правильных условиях индивидуальные ошибки в измерениях будут независимыми и случайными и имеющими тенденцию к взаимоисключению. Отклонения в одну сторону будут компенсироваться отклонениями в противоположную сторону»¹⁵.

Когда защитники демократии впервые сталкиваются с рациональным невежеством, они обычно признают, что глубокое

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru